

УДК 811.11-112:801.73

DOI: 10.18384/2310-712X-2023-2-138-149

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ В НЕМЕЦКОМ ЛАНДШАФТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТИММА «ЗМЕИНОЕ ДЕРЕВО»)

Беспалова Е. В.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
443086, Московское шоссе, д. 34, г. Самара, Российская Федерация*

Аннотация

Цель – рассмотреть ландшафтный дискурс романа У. Тимма «Змеиное дерево» с когнитивно-прагматических позиций в аспекте социокультурных факторов.

Процедура и методы. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ, позволивший в пошаговой процедуре анализа фрагментов ландшафтного дискурса романа провести их содержательный анализ, обозначить ключевые понятия и подтемы ландшафтного дискурса в романе, выявить проявления в нём социокультурных факторов и проинтерпретировать их влияние на понимание замысла автора.

Результаты. Доказана значимость ландшафтного дискурса для авторской концепции, обосновано влияние социокультурных факторов на формирование эксплицитного и имплицитного содержания, описано столкновение двух социумов и культур в ландшафтном дискурсе романа, проанализирован приём противопоставления эксплицитного и имплицитного как нового и известного в аспекте культуры.

Теоретическая значимость заключается в раскрытии потенциала ландшафтного дискурса в романе как полидискурсивном образовании за счёт использования социокультурных аспектов его анализа, что дополняет модель тематического дискурса.

Ключевые слова: импликация, индексация, культурный символ, ландшафтный дискурс, социальное поведение, социокультурное сообщество

GERMAN LANDSCAPE DISCOURSE: SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS (BASED ON THE NOVEL BY U. TIMM “THE SNAKE TREE”)

E. Bespalova

*Samara National Research University
Moskovskoye shosse 34, Samara 443086, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the landscape discourse of U. Timm’s novel “The Snake Tree” from the view point of cognitive pragmatics considering social and cultural factors.

Methodology. The research is based on the framework of content analysis that allows a step-by-step procedure for analysis of the landscape discourse fragments in order to conduct their content analysis, identify the key notions and subtopics of landscape discourse in the novel, reveal manifestations of social and cultural factors, and interpret their impact on the understanding of the author’s intent.

Results. The importance of landscape discourse for the author’s concept is proved, the influence of social and cultural factors on the formation of explicit and implicit content is substantiated, the col-

lision of two societies and cultures in the novel landscape is described, the method of explicit and implicit contrasting as new and known in the aspect of culture is analyzed.

Research implications. The research investigates the potential of landscape discourse in the novel as a poly-discursive education by means of social and cultural aspects of its analysis, which complements the model of topic-oriented discourse.

Keywords: cultural symbol, implication, indexation, landscape discourse, social behavior, socio-cultural community

Введение

Во многих современных лингвистических исследованиях понятие «дискурс» как «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой» [4, с. 231], предполагает обращение исследователей к его социокультурным параметрам, подразумевающим когнитивный и антропологический аспекты рассмотрения [11, с. 109]; дискурс, располагаемый тем самым в основе новой «когнитивно-дискурсивной» парадигмы, «представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез» [7, с. 5], рассматривается как многоуровневое явление, связанное с коммуникацией и когницией, особая «ипостась языка», культурно и ситуативно обусловленное языковое общение [3, с. 258]. Исследователи выделяют следующие существующие на сегодняшний день подходы к выделению типов дискурса: «объектный (о чём идёт речь?), субъектный (кто является участником общения?), инструментальный (каковы способы осуществления коммуникации?)» [Там же]. Достоинствами объектного (тематического) подхода считаются «неисчерпаемый материал для анализа и опора на результаты традиционных описаний различных текстов художественной, научной, публицистической литературы, включая детальные характеристики подязыков профессионального общения», однако, отмечается, что «этот подход не направлен на раскрытие ситуативных и личностных характеристик коммуникации»

[3, с. 259]. Представляется, что расширение тематического подхода к изучению ландшафтного дискурса за счёт привлечения социокультурных факторов создания и интерпретации текстов позволило бы сформировать более полное понимание этого феномена. Под **ландшафтным дискурсом** мы понимаем 1) конкретное коммуникативное событие, содержательная сторона которого определяется тематикой ландшафта, которое фиксируется в письменных текстах и устной речи разных дискурсивных практик, в том числе и в текстах художественной литературы, и 2) совокупность текстов ландшафтной тематики, образующих пространство ландшафтного дискурса, в котором в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов раскрывается ландшафтная проблематика.

Исследователи многократно обращались к проблемам соотношения дискурса и текста, дискурса и речевой деятельности человека, указывая на тот факт, что анализ дискурса раскрывает особенности когнитивной деятельности говорящего (см., например, [13]).

Являясь сложной комплексной формой художественной коммуникации, роман представляет несомненный интерес с точки зрения дискурсивного анализа: его текст может быть рассмотрен как «соединение многих дискурсов, как точка пересечения дискурсов, как интердискурсивное коммуникативное событие» [14, с. 133]. Автор, рассказчик, персонажи с их репликами, диалогами, размышлениями, являясь участниками реальной (автор – читатель) и романной (персонажи между собой) коммуникации, принадлежат определённой социальной группе и

культуре, выбирая языковые средства и оформляя текстовые фрагменты в соответствии со стереотипными жанровыми нормами и потребностями своей «индивидуальности», они говорят или пишут не только о теме (ландшафте), но и о себе, явным и неявным способом обнаруживая свои установки, приоритеты, ценности, которые могут быть считаны читателем / исследователем и проинтерпретированы с точки зрения смысла произведения, для понимания которого необходимо учитывать и определённые когнитивно и типологически обусловленные характеристики коммуникативного пространства, то есть вокругтекстовый фон.

Цель – рассмотреть ландшафтный дискурс романа с когнитивно-прагматических позиций в аспекте социокультурных факторов. **Материалом** анализа выступили фрагменты ландшафтного дискурса из текста романа У. Тимма «Змеиное дерево» (U. Timm. *Der Schlangenbaum*)¹, написанного в 1986 году. **Задачи** исследования состоят в выявлении ключевых понятий и форм реализации ландшафтного дискурса в романе; систематизации социокультурных факторов, влияющих на понимание его роли в творческом замысле автора.

Методология исследования

В нашем исследовании мы опирались на предложенную Р. Водак идею построения «дискурсивной социолингвистики», сущность которой проявляется в том, чтобы в равной степени изучать и текст и контекст, включающий участников коммуникации и их личностные и ролевые характеристики, описание ситуации общения (обстановки, места и времени, описание общественного института, в котором происходят коммуникативные действия, характеристику общества, частью которого является данный ин-

ститут, учёт места данного института в истории общества [16, р. 18]. Для характеристики персонажей существенны прослеживаемые культурные модели их поведения – некие модели, «которые возникают из коллективного опыта, связаны с системой культурных ценностей и разделяются большинством носителей культуры, ... осознаются носителями культуры как обязательные схемы поведения» [6, с. 123]. Информацию о социокультурных характеристиках персонажей мы извлекаем благодаря *индексальности*, маркирующей социальную практику и означающей, «что использование языка связано с социальными характеристиками людей» и «с ожидаемыми от них действиями ... Индексальные связи возникают вследствие рефлексивных ассоциаций у использующего язык человека с прошлым опытом, с предшествующими коммуникативными практиками, в которых он уже встречался с таким употреблением, с такой языковой формой» [15, с. 12]. Распознаванию имплицитных смыслов способствует *контекстуализация* – «речемыслительный процесс выдвижения говорящим и процесс понимания адресатом внешних неязыковых факторов как существенных смысловых опор, задающих рамки для интерпретации и понимания высказываний / текстов» [15, с. 13]. Для понимания культурно значимых смыслов релевантно понятие *культурная коннотация* – «узусальное воплощение культурной интерпретации в значение языковой сущности», «... наиболее ярко проявляется в образных средствах языка» [9, с. 15]. Содержание культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных установках культуры, т. е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека» [10, с. 27]. В ходе анализа проводится интерпретация эксплицитной и имплицитной информации. Под *имплицитным смыслом* понимается «всякий смысл, лингвистически не выраженный в сообщении, но воспринимаемый адреса-

¹ Timm U. *Der Schlangenbaum*. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. 300 S. Далее в скобках указывается номер страницы с цитируемым иллюстративным материалом.

том как подразумеваемый, поддающийся интерпретации. ИмPLICITные, или скрытые смыслы существуют и определяемы только и именно в связи с тем, что выражено. ИмPLICITность рассматривается на двух уровнях: 1) на языковом как дополнительное значение – это сфера семантики; и 2) имPLICITные смыслы как контекстуально вариативные [15, с. 12–13].

Методология нашего исследования предполагает контент-анализ [ср. 8, с. 7–10]. Контент-анализ используется для изучения разных характеристик художественной прозы, например, для выявления конфликто содержащих вербальных компонентов и анализа конфликтогенности [12]. Наше исследование обращено к пространству ландшафтного дискурса романа и включает следующие шаги: выявление текстовых фрагментов ландшафтного дискурса, разработка и обозначение главных тематических категорий (обозначение главных подтем и ключевых понятий ландшафтного дискурса в романе); анализ содержания и установление специфики ключевых подтем ландшафтного дискурса в романе и их дискурсивной связанности / континуальности vs. дискретности; анализ «столкновения» в романе разных социумов и культур с привлечением эксплицитной и имPLICITной информации.

Значимость ландшафтного дискурса в романе. Социокультурные факторы, влияющие на его интерпретацию

Определяя роль текстовых фрагментов, представляющих ландшафтный дискурс в романе, отметим их включённость во все базовые модусы высказывания: нарратив, дескриптив, ментатив, – и, соответственно, во все типы речи: повествование, описание, рассуждение [ср. 1, с. 53], что позволяет сделать вывод о значимости ландшафтного дискурса для автора и об общем пространстве ландшафтного дискурса в тексте романа, образуемого этими дискретными

фрагментами. Ландшафтный дискурс представлен в повествовании и дескриптивных вставках нарратора, в размышлениях, воспоминаниях, снах или видениях главного героя, в диалогах главного героя с другими персонажами.

Систематизируя значимость элементов ландшафтного дискурса для характеристики главного героя романа, немецкого инженера Вагнера, в зависимости от социокультурных факторов выделим уровни его функционирования: личностный уровень, уровень семьи, уровень профессиональной коммуникации и общения с коллегами по работе, уровень исходной (немецкой) культуры и уровень чуждой (принимающей) культуры одной из стран Латинской Америки. Личностные индивидуальные переживания отражены в его наблюдениях и оценках, снах и видениях; уровень семьи представлен воспоминаниями о детстве и семейной жизни в Германии, уровень профессиональной коммуникации – в диалогах с коллегами-инженерами и рабочими; уровень исходной (немецкой) культуры скрыт и выстраивается исследователем; уровень чуждой для главного героя культуры страны, где он работает, проявляется на контрасте с его исходной культурой и вербализуется в диалогах с местными жителями и в его наблюдениях.

Основные подтемы ландшафтного дискурса в романе: наглядное представление места действия и его проблематики

В ландшафтном дискурсе романа мы выделили несколько подтем, основные – это «Девственный лес» (*Urwald, Dschungel, Palmen, Eukalyptusbäume, Blätter, Stämme, Lianen, Regenwald, Pflanzen, Triebe, das nachwuchernde Grün*), «Промышленная и жилая застройка» (*Zementwerk, Papierfabrik; kastenförmige Häuser, die wie Ruinen aussahen; Beton, Betonstraße*), «Следы «освоения» ландшафта человеком» (*grau-braun vertrocknete Graslandschaft, grau-braunes Grasland, rotbraune staubige Ebene*,

kahle rotbraune Ebene, rotbraune verkarstete hügelige Fläche, schwarzverbrannte Fläche, Bäume wie Fackeln brannten). Социальная практика индустриального освоения девственных лесов Латинской Америки европейцами индексируется в контексте романа названиями типичных для Латинской Америки форм растительности в сочетании с типичными строительными объектами, описанием технологии уничтожения лесов путём их сожжения. Последствия воздействия человека получают отрицательную оценку в оппозициях «влажный – сухой», «деревья / лес – трава / голая земля», «зелень» – «красная, пыльная, чёрная выжженная равнина». Данная оценка вычитывается из противопоставления семантических компонентов приведённых лексических единиц, описывающих, с одной стороны, место действия романа, а с другой – обозначающих проблематику целесообразности повсеместной индустриализации.

Социокультурные аспекты интердискурсивных связей: столкновение социумов и культур

К основным социокультурным факторам, влияющим на интерпретацию ландшафтного дискурса в романе, можно отнести характеристики социума, для которого ландшафт является средой обитания и деятельности, цели и ценности социума по отношению к ландшафту, оценка социумом своей деятельности по преобразованию ландшафта, культурное осмысление ландшафта и его элементов в социуме, социальное поведение.

Рассмотрим принадлежность участников коммуникации к разным социумам и культурам, что обуславливает учёт фактора инакости как параметра коммуникативного взаимодействия, способного обеспечить успешность / неуспешность общения [ср. 5]. Участниками коммуникации являются автор романа, рассказчик (нарратор), главный и второстепенные персонажи, читатель (исследователь). Для выбранного материала

характерна большая вариативность социокультурных факторов, в разной степени известных участникам. В сюжете романа и системе его персонажей взаимодействуют две культуры: европейская и латиноамериканская: главный герой – немецкий инженер Вагнер отправляется по поручению крупного строительного концерна Дюссельдорфа в одну из южноамериканских стран и возглавляет строительство бумажной фабрики. Представителями европейской культуры являются семья и друзья Вагнера, оставшиеся в Германии, коллеги-инженеры по строительству и европейцы-переселенцы разного времени. Латиноамериканская культура представлена персонажами из местного населения: преподавательница испанского Луиза, инженер-индеец Юан, рабочие на стройке, жители городских кварталов, шофёры, военная хунта. Вследствие полифонии социально-культурных типов роман мы рассматриваем как полидискурсивное образование, в котором обнаруживается сложный комплекс, состоящий из нескольких когнитивно-тематических текстовых множеств, «в которых утверждаются определенные личностно и общественно значимые смысловые позиции» [2, с. 4].

Столкновение социумов и культур: эксплицитное и имплицитное

Столкновение двух культур и социумов проявляется в ландшафтном дискурсе и как столкновение эксплицитного и имплицитного. Значения чуждых европейцам символов в тексте романа **эксплицируются**. Так название поразившего Вагнера дерева (*Schlangenbaum*), вынесенное в название романа, ему объясняют, рассказывая его историю и её возможное продолжение:

(1) *Wagner fragte, was das für ein Baum im Hof sei. Ein Schlangenbaum, sagte Fabrizi, jedenfalls wörtlich übersetzt. Er wurde zur Unabhängigkeit des Landes vor über hundert-siebzig Jahren gepflanzt. Hier war früher das Untersuchungsge-*

*fängnis, gleich hinter der Präfektur. Und wenn ein Gefangener nicht wieder herauskam, hieß es, **eine der Schlangen, die angeblich im Baum lebten, hätten ihn gebissen**. Das ist ein Aberglaube, der sich bis heute gehalten hat. Die Militärs wollen den Baum jetzt fällen lassen, angeblich, um diesen finsternen Aberglauben zu bekämpfen, tatsächlich aber aus Angst, **der Baum könne zum Sinnbild für die Verschwundenen werden**. (S. 225)*

Обобщённые представители латиноамериканского социума индексируются рядом лексем, указывающих на их язык (*wörtlich übersetzt*), историю страны (*Unabhängigkeit des Landes, vor über hundert-siebzig Jahren*), социальные действия (посадка дерева), связанные с празднованием независимости (*gepflanzt*), социальные институты власти (*Untersuchungsgefängnis, Präfektur*), социальный статус (*Gefangene, Militärs*), следствия действий власти (*nicht wieder herauskam*), толкования населением событий (*hieß es, angeblich, finstere Aberglauben*), опасения властей и меры пресечения нежелательных последствий (*bekämpfen, den Baum fällen lassen, aus Angst, zum Sinnbild für die Verschwundenen werden*). Змеиное дерево представляет для властей опасность как возможный символ жертв, погибших в борьбе с военной хунтой, в контексте всего романа оно может толковаться в том числе и как символ всех пропавших без вести, тех, кто лишился расположения змеи как символа жизни (см. далее о символе змея).

Значение европейских / христианских символов в романе лингвистически представлено **имплицитно**. Так символическое значение голубой ели *blaue Tanne* (ср. *Tannenbaum*), являющейся атрибутом и символом Рождества и семейного праздника, читатель / исследователь может проинтерпретировать на фоне своего социокультурного опыта. В романе субъективное восприятие этого символа героем противоположно принятому в социуме конвенциональному восприятию

и стереотипной модели социального поведения:

(2) *Wagner stand am Sonntagnachmittag im Garten und blickte auf seinen Rasen, diesen **wie mit einer Nagelschere geschnittenen Rasen (er selbst mähte ihn jeden Samstag)**, diesen kleinen, sorgfältig gestutzten Hecken, die Birke und **die idiotische Blautanne**, da spürte er dieses matte graue Ziehen in der Brust.*

*Warum stand er da und sah das, er hätte genauso gut nicht dastehen und es nicht sehen müssen. Da war er zum Haublock gegangen und **hatte sie** vor den Augen der entsetzten Susann und des heulenden Sashas **umgehackt**. Er war außer Atem, aber auch erleichtert, auf eine unbeschreibliche Weise erleichtert, als er **die Tanne am Boden liegen** sah. Es war das einzige Mal in all den Jahren, daß er über sich selbst die Kontrolle verloren hatte. (S. 229)*

Принадлежность Вагнера к немецкому социуму индексируется лексемами, кодирующими типичное стереотипное социальное поведение владельцев небольших земельных участков Германии, ухаживающих за садом и аккуратно еженедельно подстригающих газон (*Garten, blickte auf seinen Rasen, wie mit einer Nagelschere geschnitten, mähte ihn jeden Samstag, sorgfältig gestutzten Hecken*). Его личностное отношение к ели проявляется в нетипичном поведении: он теряет над собой контроль и рубит ель на глазах у жены и сына. Тем самым Вагнер отказывается от символа своей культуры, уничтожает его, а затем «обрубает» отношения с семьёй и Родиной, уезжая за океан.

Оценка воздействия человека на природу

В ландшафтном дискурсе романа проявляется разница систем ценностей разных социокультурных сообществ. Для европейской культуры характерна установка на активное освоение природы с помощью техники, с этим связывается идея прогресса и развития. В контексте (3) приведём описание рекламного

ролика компании, в которой работает Вагнер:

(3) *Dann kamen plötzlich Reklamespots... ein kolossaler Bulldozer bohrte sich einen Weg durch das Urwaldgestrüpp, sechs überschwere Planiertrauben schoben einen kleinen Hügel beiseite, ein Berg flog in die Luft, in Zeitlupe wurden Felsbrocken in die Erde gewuchtet, hinter einer Planiertraube schob sich eine Teermaschine durch die Landschaft, dahinter rasten die Autos auf der fertigen Autobahn in das ovale Zeichen seiner Firma am Horizont, begleitet von Beethovens „Freude, schöner Götterfunken“. Das also war der Weg in die Zukunft.* (S. 37)

Профессиональное сообщество строителей индексируется лексемами, обозначающими дорожную технику (*Bulldozer, Planiertrauben, Teermaschine*), место работы (*Urwaldgestrüpp*) и результаты строительства (*fertige Autobahn*). Дорожная техника в рекламном дискурсе строительной фирмы приобретает гротескно огромные размеры и мощность (*kolossal, überschwer, schoben einen kleinen Hügel beiseite, ein Berg flog in die Luft, Felsbrocken in die Erde gewuchtet*), позволяющие быстро и без видимых тяжёлых усилий построить дорогу, по которой стремительно едут автомобили. В контексте рекламного ролика дорожная техника становится символом силы человека, его победы над природой, способности изменять её. Принадлежность строительной фирмы немецкому социуму индексируется прецедентным именем немецкого музыкального культурного кода, исполняют оду Бетховена «К радости» – символ немецкой культуры, задающий оптимистический тон восприятия преобразований. Герой вербализует смысл рекламного посыла – путь в будущее.

Рекламному дискурсу противопоставлен бытийный. Так в диалоге Вагнера с его коллегой-строителем Гартманом собеседники расходятся в оценках последствий индустриализации:

(4) *Hartmann sah hinaus. Die Landschaft lag in einem ersten zartrosa Licht. Das hinterlassen wir, sagte Hartmann, diese Ödnis, diese Mondlandschaft, das ist das, was uns folgt, die Wüste.*

... Wagners Antwort fiel aggressiver als beabsichtigt: *Wollen Sie den Leuten hier die Industrie und Technologie vorenthalten? Sollen die nur das Holz liefern?*

Nein, aber die müssen doch nicht die gleichen Fehler wiederholen. (S. 126)

Принадлежность Гартмана и Вагнера одной социальной группе европейских строителей индексируется личными местоимениями (*wir, uns*), противопоставленными в контексте диалога словосочетанию (*den Leuten hier*), семантикой глаголов (*hinterlassen, folgt*), вербализующих окончание их деятельности в стране. Негативная оценка преобразований Гартмана содержится в номинациях отрицательной семантики (*Ödnis, Fehler*) и образных номинациях (*Mondlandschaft, Wüste*), содержащих семы «непригодный / малопригодный для жизни». Гартман считает, что другие цивилизации не обязаны повторять ошибок по тотальной вырубке лесов. Противоположная положительная оценка Вагнера соответствует стереотипным представлениям о прогрессе, согласно которым развивать промышленность и технологии лучше, чем продавать дрова.

Другим примером рефлексии Вагнером воздействия на ландшафт человека является описание в его внутренней речи шестиполосного автомобильного моста, выстроенного посреди джунглей, бесполезного и никуда не ведущего:

(5) ... *vor Wagner lag eine sechsspürige Autobahnbrücke. Die Brücke spannte sich in einem kühnen Bogen über ein steil abfallendes Tal. Und sie endete an beiden Seiten im Wald, in kleinen Pfaden.*

Sie lag vor Wagner, mächtig und auf eine wunderschöne Weise zwecklos und ohne Sinn, es sei denn, sie trug ihren Sinn in sich selbst ...

An den Rändern standen **verrostete Maschinen, Kompressoren, schmarotzergrün überwuchert, eine Teermaschine**, überall lagen **verrostete Maschinenteile verstreut, ein Zementmischer**, dessen große **Trommel einen grünen Bart trug, ein Kran war von Kletterpflanzen überzogen**, deren **weiße Blüten wie Kaskaden** von Verstrebung zu Verstrebung schäumten. (S. 253)

Следы работы строительной фирмы Вагнера индексируются лексическими единицами, обозначающими, как и в рекламном ролике (ср. пример 3) строительную технику (*Maschinen, Kompressoren, Teermaschine, Zementmischer, Kran*) и результат строительства (*sechsspürige Autobahnbrücke*). Однако в описании присутствуют следы запустения и разрушения машин (*verrostet, verrostete Maschinenteile*) и буйного расцвета растений (*schmarotzergrün überwuchert, einen grünen Bart, von Kletterpflanzen überzogen, weiße Blüten wie Kaskaden*). Оценка усилий негативная (*zwecklos und ohne Sinn*). В конце романа Вагнер меняет свою точку зрения на прогресс.

Ещё более гротескный характер рефлексия приобретает в описании сновидения-кошмара Вагнера, которое он переживает сразу после просмотра рекламного ролика (ср. пример 3), это развивающееся помимо воли переживание:

(6) *Er geht durch einen Garten. Es ist der Garten vor seinem Hamburger Haus. Der Zaun ist heruntergetreten. Er geht hinaus. Draußen wachsen große, nie gesehene Pflanzen, mit gewellten Blättern, die wie Zungen am Boden liegen, und daneben eigentümliche rotbraune Klumpen. Sie sehen aus wie angeschmolzene Maschinenteile... In einer Pflanze erkennt er den Arm einer Frau. Der Arm wird langsam durch die Pflanze verschluckt, die Hand greift wie nach Halt suchend in die Luft. Er geht näher heran und erkennt seinen Ehering an der Hand... Er sieht an sich herunter und entdeckt, dass ihn eine der Pflanzen mit einem Blatt erfasst hat und zu sich heranzieht. Berthold ruft*

ihm zu, er müsse singen, und zwar aus Leibeskräften, dadurch würde den Pflanzen übel und sie ließen von der Beute ab. Er versucht, tief Luft zu holen, aber er bekommt keinen Ton heraus. (S. 39)

Во сне перемешиваются индексы самых разных социальных ролей Вагнера: Вагнера-жителя Гамбурга (*Garten vor seinem Hamburger Haus*), Вагнера-инженера (*Maschinenteile*), Вагнера-супруга (*erkennt seinen Ehering*). Природные объекты становятся активными субъектами (*ihn eine der Pflanzen mit einem Blatt erfasst hat und zu sich heranzieht*). Символика рекламы меняется на противоположную, человек оказывается беззащитным, жертвой (*Beute*), лишённым семьи, дома, голоса, культурной идентичности (*er bekommt keinen Ton heraus*). Символом неведомой иррациональной силы в кошмаре становятся огромные невиданные растения с ползучими языками, рядом с которыми валяются оплавленные части техники. Растения пожрали жену Вагнера и захватили его самого, а чтобы спастись он должен изо всех сил петь, но у него не получается извлечь ни звука. Путь в будущее оказывается невозможен. Тем самым оптимистичная символика трудовых свершений нивелируется, в контексте романа она приобретает смысл тщетной попытки, обречённой на неудачу.

Культурные символы, их восприятие и интерпретация

Культурные символы могут иметь в разных социумах противоположное толкование. Так символ змея, присутствующий в заглавии романа, по-разному трактуется в европейской и латиноамериканской культуре и связан с разными моделями поведения. Значение этого символа в латиноамериканской культуре эксплицируется, это своего рода символ жизни, а тот, кто намеренно убивает змею, должен умереть:

(7) *Was ist mit dieser Schlange?*

Das weiß niemand genau, sagte Hartmann, für einige der Bolivianer hat die

Schlange eine besondere Bedeutung. Die Inkaschlange soll sie heißen. Sie ist so eine Art Lebenssymbol. Wer sie absichtlich tötet, soll umkommen...

Kommt um?

Ja, es heißt, man ertrinkt. (S. 69)

С этим значением связана и модель социального поведения проводника Вагнера по джунглям: увидев сидящую на дереве змею, тот заставляет осла пятиться назад, терпеливо ждёт, отложив свою поездку, пока змея не уползёт с дороги:

(8) Der Mann drängte den Esel etwas zurück und zeigte auf einen am Boden liegenden Baumstamm, auf dem eine grüne Schlange lag, von derselben Art, wie Wagner sie am ersten Tag überfahren hatte. Der Mann wartete, bis die Schlange verschwunden war, dann zog er den Esel an dem Stamm vorbei. (S. 252)

Вагнер как представитель европейской культуры, не знакомый с местной символикой в начале романа, ведёт себя согласно европейской социальной модели поведения:

(9) In dem Augenblick entdeckte Wagner die Schlange, eine smaragdgrüne Schlange, die vor ihm über die Straße glitt. Er versuchte auszuweichen, wäre aber beinahe in die tiefen Radsuren in der Bankette gekommen, so fuhr er weiter... Er hatte sie ziemlich genau in der Mitte überfahren und regelrecht auf dem Asphalt festgewalzt. (S. 27)

В европейской и латиноамериканской культурах один и тот же экстенционал (змея) обнаруживает противоположные интенционалы (жизнь – сатана / искушение), следовательно вызывает у представителей разных культур и социумов разное отношение (оценка важности / неважности), эмоции или их отсутствие (страх / благоговение – равнодушие). Заглавие романа, являющееся сложным словом ландшафтной тематики *Der Schlangenbaum* (змеиное дерево), получает в контексте романа символический смысл и реализует для представителей европейской культуры, в первую очередь,

Библейские аллюзии, то есть выход к Библейскому дискурсу, актуализирующему такие тематические области, как «искушение», «дерево познания добра и зла», «грехопадение», «изгнание из рая». Вагнер, оторвавшись от своей культуры, не принадлежит и латиноамериканской, поэтому не воспринимает важность предупреждений и грозящей ему опасности утонуть, смеётся и не понимает торжественного тона индейца, объясняющего ему значение символа (10), он обрывает разговор формульным английским «o. k.», ссылаясь на то, что ему нужно работать и давая тем самым понять, что у него есть дела поважнее суеверных страхов:

(10) Schon im Hinausgehen fragte Juan, ob es stimme, dass Wagner eine Schlange getötet habe.

Getötet, Wagner lachte, das klingt sehr dramatisch, jedenfalls auf hochdeutsch...

Das ist die Acaray-Schlange. Man darf sie nicht töten, sagte Juan auf hochdeutsch, und das klang sehr feierlich.

O.k., sagte Wagner, o.k., nächstes Mal paß ich besser auf, aber jetzt muss ich arbeiten. (S. 33)

Заключение

Ландшафтный дискурс занимает значимое место в структуре романа и влияет как на понимание общего замысла, так и на интерпретацию характеристик героев как представителей культурного сообщества и социальной группы.

К социокультурным факторам, влияющим на понимание творческого замысла, относятся: принадлежность автора, главного и второстепенного героев и читателя / исследователя к определённой социальной группе (национальность, профессия, гендер) и к определённой культурной / лингвокультурной общности; сформированное в культуре и социуме знание текстов / дискурсов разных типов (художественный, бытийный, Библейский, рекламный, профессиональный и т. д.).

В ландшафтном дискурсе проявляется столкновение разных социумов и культур, в котором высвечиваются характерные для них поведенческие установки, приоритеты и ценности.

Значимые характеристики новой / чуждой для европейцев культуры эксплицируются, своей культуры – имплицитуются. Привлечение социокультурных

факторов способствует интерпретации имплицитного.

Перспективным представляется комплексный анализ культурных символов в ландшафтном дискурсе романа, а также интердискурсивный анализ (аллюзии на прецедентные тексты).

Дата поступления в редакцию 27.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Повествовательный потенциал дескриптива // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов: сборник статей / под ред. С. Т. Нефёдова, И. Е. Езан. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 52–62.
2. Андреева В. А. Текстовые и дискурсивные параметры литературного нарратива (на материале современной немецкоязычной прозы): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 38 с.
3. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. Кислякова Е. Ю., Маджаева С. И. Инакость как параметр коммуникативного взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083.
6. Косиченко Е. Ф. В мире художественного нарратива: лингвокогнитивные и социокультурные аспекты текстов разных жанров. М.: Р. Валент, 2022. 188 с.
7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.
8. Мюллер К. С. Речевые стратегии дискурса антисемитизма в учебной литературе Германии XX в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.
9. Телия В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: в 2 томах. Минск: Універсітэцкае, 1994. Т. I. С. 14–15.
10. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках [отв. ред. В. Н. Телия]. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19–30.
11. Трошина Н. Н. Социокультурные параметры дискурса // Социоллингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 103–126.
12. Хроменков П. Н. Художественная проза как объект количественного контент-анализа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-1068.
13. Царенко Н. М. Дискурс и дискурсивный маркер: опыт лингвотерминологического и лингвоисториографического анализа // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2022. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1136.
14. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, 2020. 208 с.
15. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социоллингвистический и дискурсивный анализ смылопорождения. М.: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.
16. Wodak R. Disorders of discourse. London, New York: Longman, 1996. 200 p.

REFERENCES

1. Andreyeva V. A. [The narrative potential of the descriptive]. In: *Nemetskaya filologiya v Sankt-Petersburgskom gosudarstvennom universitete. Vyp. VII: Diskursivnyye aspekty yazykovykh fenomenov* [German Philology at St. Petersburg State University. Iss. VII: Discursive aspects of linguistic phenomena]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2018, pp. 52–62.
2. Andreyeva V. A. *Tekstovyye i diskursivnyye parametry literaturnogo narrativa (na materiale sovremennoy nemetskoyazychnoy prozy): avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk* [Textual and discursive parameters of the literary narrative (on the material of modern German-language prose): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2009. 38 p.
3. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Linguistic spiral: values, signs, motives]. Moscow, Gnozis Publ., 2019. 424 p.
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
5. Kislyakova E. Yu., Madzhaeva S. I. [Otherness as a parameter of communicative interaction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2021, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2021-3-1083.
6. Kosichenko Ye. F. *V mire khudozhestvennogo narrativa: lingvokognitivnyye i sotsiokul'tunyye aspekty tekstov raznykh zhanrov* [In the world of artistic narrative: linguo-cognitive and sociocultural aspects of texts of different genres]. Moscow, R. Valent Publ., 2022. 188 p.
7. Kubryakova Ye. S. [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics (review)]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nyye i strukturnyye aspekty: sbornik obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: collection of reviews]. Moscow, INION RAN Publ., 2000, pp. 5–13.
8. Myuller K. S. *Rechevyye strategii diskursa antisemitizma v uchebnoi literature Germanii XX v.: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Speech strategies of the discourse of anti-Semitism in the German educational literature of the 20th century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 22 p.
9. Telia V. N. [The nominative composition of the language as an object of linguoculturology]. In: *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i v yazyke* [National-cultural component in the text and in the language]. Minsk, Universitetskaye Publ., 1994. Vol. I, pp. 14–15.
10. Telia V. N. [Cultural and linguistic competence: its high probability and deep secrecy in the units of the phraseological composition of the language]. In: *Kul'turnyye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseological units and discursive practices]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 19–30.
11. Troshina N. N. [Sociocultural parameters of discourse]. In: *Sotsiolingvistika vchera i segodnya* [Sociolinguistics yesterday and today]. Moscow, INION RAN Publ., 2004, pp. 103–126.
12. Khromenkov P. N. [Prose as object of the quantitative content – analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-3-1068.
13. Tsarenko N. M. [Discourse and discursive markers: experience of linguistic, terminological and linguistic-historical analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2022, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.03.2023). DOI: 10.18384/2224-0209-2022-4-1136.
14. Chernyavskaya V. Ye. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Linguistics of the text. Discourse linguistics]. Moscow, FLINTA Publ., 2020. 208 p.
15. Chernyavskaya V. Ye. *Tekst i sotsial'nyy kontekst: Sotsiolingvisticheskiy i diskursivnyy analiz smyslopovorozhdeniya* [Text and social context: Sociolinguistic and discursive analysis of meaning generation]. Moscow, LENAND Publ., 2021. 208 p.
16. Wodak R. *Disorders of discourse*. London, New York, Longman, 1996. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беспалова Екатерина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии Социально-гуманитарного института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: bespalova.ev@ssau.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Bespalova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of German Philology, Institute of Social Sciences and Humanities, Samara National Research University;
e-mail: bespalova.ev@ssau.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беспалова Е. В. Проявление социокультурных аспектов в немецком ландшафтном дискурсе (на материале романа У. Тимма «Змеиное дерево») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2. С. 138–149.
DOI: [10.18384/2310-712X-2023-2-138-149](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-2-138-149)

FOR CITATION

Bespalova E. V. German landscape discourse: social and cultural aspects (based on the novel by U. Timm “The snake tree”). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2023, no. 2, pp. 138–149.
DOI: [10.18384/2310-712X-2023-2-138-149](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-2-138-149)